

Фото У. Еськиной

«...Книги и подписи существуют!!»

С Борисом Фёдоровичем Егоровым я познакомилась лично на Лотмановских чтениях в самом начале 2000-х гг. Заканчивая свой доклад об издании «Писем» Ю. М. Лотмана¹, Борис Фёдорович почти риторически спросил: «Может быть, у кого-то из вас есть письма Лотмана?» Я передала ему для скорого, как тогда казалось, издания второго тома письма Юрия Михайловича профессору-историку В. В. Пугачёву, хранившиеся в архиве Пугачёва. (После смерти Владимира Владимировича в 1998 г. архив сохраняем мы с моей дочерью Наталией.) Борис Фёдорович обрадовался. Его и Юрия Михайловича связывали с Владимиром Владимировичем десятилетия научной и личной дружбы. В архиве – письма, телеграммы, книги и оттиски с надписями, отзывы (копии) на статьи и книги друг друга. Да и сами ежегодные Лотмановские чтения с 1995 г. проходили по инициативе В. В. Пугачёва и саратовского лингвиста (ныне покойного) К. Ф. Седова. В одном нашем издании принял участие и Б. Ф. Егоров.

Свои воспоминания он назвал «Ю. М. Лотман в быту: характер и поведение»² (сразу вспоминается статья Лотмана «Декабрист в повседневной жизни»). Эти несколько страниц – замечательный портрет Ю. М. Лотмана – доброго, щедрого (в быту и в науке), храброго, совестливого, рыцарственного. Но это и точно выраженная методология Егорова-мемуариста. Приведя суждение коллеги, завидовавшего Лотману, о том, что все поступки Юрия Михайловича «головные, он нарочито старается быть хорошим,

это лицемерие», Б. Ф. не просто, как он пишет, «взвыл от глубины такого “сальерианства”», не просто остроумно «отбрил» злопыхателя, но задумался: «Не дал ли Ю. М. своими идеями о “жизнестроительных” сознательных тенденциях Пушкина <...> повод и его подозревать в таких “сознательностях”?»³ Заинтересованный читатель не может не обратиться к дружеской, но принципиально острой полемике Б. Ф. и Ю. М. в письмах, а потом и в журнале «Русская литература»⁴ о стихийности и рациональности природы Пушкина, о соотношении логического и внелогического в биографии и произведениях поэта, о трагедии Пушкина («бывают трагедии силы и трагедии слабости»⁵), о мифологии в пушкинистике.

С подобным азартным, стремительным восхождением от бытового до сугубо научного, а то и мистического уровня проблем и в жизни, и в искусстве мы сталкивались (восторженно!) и в наших диалогах с Б. Ф.

Вот только что мы смеёмся шутливому предложению Б. Ф.: «Давайте схулиганим: залезем и исправим инициалы на табличке на вашем доме» (наш дом стоит на улице «им. Пугачёва Е. И.»), и почти сразу возникает разговор об источниках декабристских штудий Пугачёва и самого Б. Ф., о современной околodeкабристской демагогии, о совести в науке.

Приезжая в Саратов, Б.Ф. бывал у нас в гостях. Это были настоящие праздники: мы чувствовали себя в другой жизни – умной, всеохватно-широкой, доброй, щедрой на от-

крытия, богатой памятью. Б. Ф., с его исключительным демократизмом, искренностью, готов был обсуждать самые разные темы. Говорили о современных студентах и об американских встречах Б. Ф. (в том числе с американскими православными богословами), об источниковедческих поисках и природе вранья (включая и понимание его с христианских позиций), о новейшей литературе, о любимых поэтах. Б. Ф. потрясая читал стихи Б. Чичибабина, рассказывал о встречах с его вдовой. Открытием для нас стали стихи А. С. Кочеткова – глубоко человеческие, трагические.

Во время последней встречи говорили о замечательном труде П. А. Дружинина «Идеология и филология»⁶. Филолог Елена Князькова спросила: «Где границы возможного комментария у публикатора документа? В какой мере правомочна его оценка того или иного события, лица?». Нас интересовали современные оценки и переоценки поведения известных учёных в столкновении с властью в период разгрома филфака Ленинградского университета в 1947 г. Борис Фёдорович не уходил от конкретных «именных» вопросов, но особенно волновала его та грань, которую в своей компетентности должен осознавать комментатор, помня свою научную ответственность и человеческую совесть.

Сам он чувствовал это очень остро. Когда он рассказывал о переписке А. П. Скафтымова и А. М. Евлахова (пробуя на нас идеи своей завтрашней лекции в ИФиЖе), он так погружался во внутреннюю трагедию А. П. Скафтымова, что мы в прямом смысле слова дрожали от сопереживания, и при этом как источниковед не забывал и о критическом анализе документов и возможностях комментирования.

В цитированном письме Ю. М. Лотмана Б. Ф. Егорову читаем такие строки: «У моей позиции есть и внеучный пафос: много лет я слышу жалобы разных лиц на обстоятельства <...> Я всегда считал ссылку на обстоятельства недостойной. Обстоятельства могут сломать и уничтожить большого человека, но они не могут стать *определяющей логикой* (курсив автора. – Л. Г.) его жизни»⁷. В наших разговорах о судьбах учёных-гуманитариев позиция Б. Ф., как мне кажется, была близка к этой. Может быть, только с большим драматическим акцентом.

Воспоминания о Лотмане Борис Фёдорович заканчивает такими словами: «Особый разговор – как отразились личные черты учёного в его научном творчестве; на эту тему нужно написать отдельную работу»⁸. Как интересно было бы написать такую работу о разнообразных по жанру

книгах Б. Ф., понять не только их научный, но и внеучный пафос.

В последнюю нашу встречу – 18 февраля 2019 г. – произошло символическое (семиотическое?) событие. Елена Олеговна Селезнёва попросила Б. Ф. оставить автограф на его статье в сборнике «Из истории общественного движения и общественной мысли в России XIX века. Горький, 1966 (Учёные записки Горьковского университета им. Н. И. Лобачевского. Выпуск № 78. Т. 2)». С экслибрисом «Библиотека Ю. Г. Оксмана». В первом томе этого издания опубликованы статьи Ю. Г. Оксмана (ещё не под псевдонимом), В. В. Пугачёва, посвящён весь сборник 70-летию М. П. Алексеева. В первом же томе – автограф Ю. Г. Оксмана: «В библиотеку Виктора Макаровича Селезнёва с большим приветом Ю. Оксман. 10.XII.66». Покойный муж Елены Олеговны – В. М. Селезнёв – был учеником Ю. Г. Оксмана. Статья Б. Ф. «Польскому журналу "Slavia orientalis" – 15 лет». Автограф: «С большим удовольствием подписываюсь. Книги и подписи существуют!! Б. Е. 18.II.19». Оксман – Алексеев – Пугачёв – Егоров – вот это встреча! Выпили мы тихо-горжественно: у Бога все живы.

Незабываем прощальный жест Бориса Фёдоровича: уже в дверях улыбается и поднимает сжатые, как в рукопожатии, руки над головой, говорит, что так с ними в «Библиотеке поэта» всегда прощался Твардовский. Прощаемся. И не прощаемся.

Примечания

- 1 См.: Лотман Ю. Письма. М.: Языки славянской культуры, 1997.
- 2 См.: Егоров Б. Ю. М. Лотман в быту: характер и поведение // Лотмановские чтения: К 75-летию Ю. М. Лотмана: доклады. Саратов: Изд. центр Саратовской государственной экономической академии, 1998. С. 35–39.
- 3 Там же. С. 35.
- 4 См.: Русская литература. 1994. № 1.
- 5 Лотман Ю. Указ. соч. С. 347.
- 6 См.: Дружинин П. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
- 7 Лотман Ю. Указ. соч. С. 348.
- 8 Егоров Б. Указ. соч. С. 39.

Л. Е. Герасимова,
кандидат филологических наук,
профессор кафедры русской
и зарубежной литературы СГУ